

ПОЛИЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ И ЭКСТРЕМИЗМУ

С.Е. Пролетенкова

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ИСЛАМСКОГО ФУНДАМЕНТАЛИЗМА И МЕРАХ ПО ЕГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ

Политический и исторический опыт нашей страны показывает, что для республик с преимущественно мусульманским населением, для власти и, в еще большей степени, для интеллектуальной и политической элиты ислам служит не только национальным символом, не только духовным основанием национально-культурного возрождения народа, но и санкцией их собственных программ политического, правового и экономического обустройства этих республик. При этом нельзя забывать о том, что в России уже длительное время имеется ряд проблем федерализма подпитываемых в числе прочих и религиозным исламским фактором. И что бы не говорили мусульманские лидеры, деструктивные процессы сопровождающие современный период развития ислама, ставят его на первый план по уровню конфликтогенности и угрозы, как национальной безопасности России, так и всему мировому сообществу. Стоит вспомнить самые громкие теракты совершенные в последние десять лет на мировой арене, и, во всех из них, прослеживается след террористических организаций исламистского толка. Кроме того, стоит рассмотреть периодически издаваемые и обновляемые органами государственной власти списки террористов, террористических организаций, религиозных организаций, в отношении которых проводятся мероприятия со стороны правоохранительных органов, и, можно легко убедиться в том, что почти все они так или иначе связаны с исламом. При этом, мы совершенно четко убеждены, что террористическую войну ведут не все мусульманские народы, и далеко не все люди исповедующие ислам, разделяют ценности, идеалы и способы решения проблем, которых придерживаются наиболее радикальные и агрессивные деятели. Но последние способны увлечь за собой многих других, в том числе обмануть их, опираясь при этом на знание психологии, традиций

и обычаев, которые уже много столетий регулируют и направляют поведение человеческих масс.

Именно поэтому мы считаем необходимым провести терминологическое отделение группы лиц формирующей обстановку насилия и нетерпимости по религиозному признаку или с его использованием, то есть ведущих целенаправленную экстремистскую и террористическую деятельность прикрываясь лозунгами ислама, от людей являющихся законопослушными гражданами-мусульманами в многонациональном и многоконфессиональном государстве.

Сложность и неоднозначность самого феномена исламского радикализма в мире, в том числе и в России, и на Северном Кавказе, в настоящее время привели к тому, что на официальном уровне, на языке деятелей науки, средств массовой информации, специалистов, духовенства тех или иных конфессий для его описания стали широко использоваться такие определения, как «исламский фундаментализм», «исламский экстремизм», «салафизм», «ваххабизм», «джамаатизм», «исланизм» и другие. Вместе с тем, многие представители мусульманства резко возражают против наклеивания подобных ярлыков. Так, дагестанский исследователь девиантной религиозности в исламе Р.Г. Гаджиев пишет: «Возникает вполне справедливый вопрос: что может быть общего между словами «ислам» и «экстремизм»? Они абсолютно взаимоисключающие слова с точки зрения ислама, который категорически не приемлет насилия»¹.

Таким образом, сложившаяся путаница вокруг понятийного аппарата такой формы религиозного экстремизма как исламский экстремизм, требует рассмотрения имеющихся на этот счет дефиниций.

¹ См.: Гаджиев Р.Г. Ваххабитский фактор в кавказской геополитике. – Грозный, 2004. – С. 60.

Мы уже упоминали на страницах работы тот факт, что практически всем религиям, имеющим давние исторические корни, свойственны расхождения во взглядах между отдельными группами их последователей относительно соблюдения исторически сложившихся религиозных традиций и догм. Именно на основании этого факта исследователи терминологически выделяют религиозные направления в какой-либо конфессии, и ислам не является исключением, которые выступают за необходимость следования предписаниям, установленным в религиозных священных книгах, недопустимость либерального истолкования священных текстов, а так же отрицают протекающие в современном обществе процессы глобализации и секуляризации. Представителей таких религиозных направлений называют фундаменталистами. Теория и практика исламского фундаментализма² отличается разнообразием. Данное движение характерно, как для суннитского, так и для шиитского направления ислама. В отдельных государствах фундаменталистам удалось добиться принятия своей идеологии в качестве господствующей, в частности, в Исламской Республике Иран и Саудовской Аравии. В ряде других фундаменталистские движения действуют в качестве оппозиции существующим светским или традиционным государственным институтам, в качестве метода борьбы с которыми отдельными группировками фундаменталистов используются методы террора. На сегодняшний день именно в рамках исламского фундаментализма содержится глобальная, не присущая иным фундаменталистским течениям цель — освобождение мусульманских земель от колонизаторов и создание единого глобального мусульманского государства (восстановление халифата).

Исламистские ультрарадикальные террористические организации постепенно расширяют свое участие на международной политической арене, пользуясь, как правило, очагами политической нестабильности вспыхивающими с пугающей периодичностью в мусульманских странах. Тунис, Ирак, Иран, Ливан, Иордания, Египет — вот далеко не полный перечень стран, где за последний год исламисты добились существенного увеличения числа своих сторонников, причем в Египте братья-мусульмане сформировали партию власти. В настоящее время активное воздействие оказывается на Сирию. Так, 11 февраля 2012 г. организация SITE Intelligence Group, которая занимается мониторингом

экстремистских ресурсов, обнаружила на одном из экстремистских сайтов видеоролик под названием «Вперед, львы Сирии!» сформированный «Аль-Каидой». Айман аль-Завахири призвал сирийцев не доверять Западу и правительствам арабских государств в борьбе с режимом Башара Асада.

Быстрыми темпами исламизм развивается и на территориях бывших советских республик. Авторы книги «Политические системы и политические культуры Востока» А.Д. Воскресенский, П.Б. Старостин, М.В. Стрежнева, Л.М. Ефимова и другие, справедливо утверждают, что «сейчас политический ислам уже есть на юге Казахстана и Киргизии, исламисты играют очень важную роль в Таджикистане и представляют реальную силу в Узбекистане. В этом плане весьма возможно постепенное, анклавное превращение республик региона в исламские страны... Приход радикалов и экстремистов не только вызовет катастрофические потрясения в Центральной Азии, но и будет прямо угрожать всем сопредельным странам, и в первую очередь России»³.

При этом мы не забываем о катастрофическом распространении идей исламского фундаментализма в самой России, особенно среди мусульманской молодежи, что рисует в ближайшей перспективе усиление связанных с этим угроз национальной безопасности. Процессы выделения из ислама отдельных течений принимают столь радикальный характер, что часто мусульманские религиозные деятели сами являются жертвами своих же единоверцев. Одним из последних таких случаев стало убийство 16 февраля 2012 г. заместителя муфтия Ставропольского края Курмана Исмаилова. Основной версией убийства следствие считает проводимую им борьбу с экстремизмом в исламе. До этого наличие экстремистских мотивов было доказано по делам об убийствах 27 октября 2011 г. дагестанского религиозного деятеля С. Хуригского, 15 декабря 2010 г. муфтия А. Пшихачева, 20 сентября 2009 г. заместителя председателя Духовного управления мусульман Карачаево-Черкессии и ставрополья И. Бостанова.

Вместе с тем, общеизвестно, что термин фундаментализм не исламского, а протестантского происхождения. Поэтому, несмотря на его теоретическую справедливость, он вызывает споры среди исламоведов и недовольство самих фундаменталистов, как лиц, отрицающих все западное и парадоксально называемых при этом чуждой «протестантской» терминологией. Исламовед В. Акаев по этому поводу пишет: «искусственно экстраполированный на ислам, сегодня он (термин «фундаментализм»⁴) стал предметом широ-

² Фундаментальную основу ислама составляют пять основополагающих принципов: учение о единобожии (ат-таухид), вера в божественную справедливость, признание пророческой миссии пророка Мухаммада и всех предшествующих пророков, вера в воскрешение, концепция об имамаате.

³ Политические системы и политические культуры Востока. — М., 2007. — С.7.

⁴ Прим. автора — С.Е. Пролетенковой

ких общественных и научных дискуссий, отразившихся в многочисленных публикациях как на Западе, так и в России. В исламе же фундаментализм выражается термином «усул ад-дин», означающим «корни», «основы», «фундамент»⁵. Вместе с тем, более употребляемым термином, которым именуют себя исламские фундаменталисты является салафизм. Как пишет исследователь А. Игнатенко и некоторые другие авторы⁶, этот термин произошел «от выражения ас-салаф ас-салих (праведные предки) или просто ас-салаф (предки). Сторонники салафизма выступают за то, чтобы мусульмане во всех своих действиях и верованиях, нормах и правилах следовали тому, что существовало и делалось в период первоначального ислама»⁷. При этом салафизм (стремящийся вернуться к истокам, невзирая на уже совершенное движение во времени), является явлением противоположным по отношению к традиционализму, который несет историческую нагрузку, вбирает в себя наиболее ценные национальные особенности, приводя их в соответствие с «догмами веры».

Отличную от других позицию относительно исламского фундаментализма заявляет исследователь ислама А. Малашенко. Он апеллирует термином «исламский фундаментализм» и определяет его как «феномен, суть которого в стремлении воссоздать фундаментальные основы «своей» цивилизации, очистив ее от чуждых новаций и заимствований, вернуть ей «истинный» облик»⁸.

В современном мире отдельные течения салафитов в большинстве случаев используют недопустимые, запрещенные законом методы, способствующие разжиганию социальной и религиозной розни и ксенофобии, вплоть до террора, что является причиной отнесения их к категории экстремистских. Подобные политизированные, воинственные, экстремистские по своей сути, фундаменталистско-исламские течения, распространившиеся, как правило, в XX в. многие исследователи, и мы в данном случае не исключение,

предлагают называть термином «исламитизм», подчеркивающим с одной стороны, их принадлежность к исламской конфессии, а с другой, отделяющим его сторонников от добропорядочных людей исповедующих ислам в рамках правового поля. Можно говорить о том, что идеи исламского фундаментализма лежат в основе политического ислама — исламизма.

Указанный подход вполне ложится в традиции еще советского востоковедения. Так, Р. Ланда, исследовавший исламский фактор, как на советском, так и на постсоветском пространстве разграничивает понятия «исламский фундаментализм» и «исламизм», последнее из которых он трактует как политическое выражение фундаментализма⁹.

В связи с дефинициями «исламский фундаментализм» и «исламизм» определенным интерес представляет интервью, данное 19 августа 2003 г. израильским профессором Бауэром немецкому изданию «Die Welt»¹⁰.

Бауэр определяет радикальный исламизм как «религиозное течение, которое стремится к мировому господству и исповедует идеологию, допускающую геноцид».

На вопрос «Die Welt»: Какая разница существует между понятиями «исламизм», «исламский фундаментализм» и «радикальный исламизм»? Бауэр отвечает: «Фундаментализм — это явление, которое встречается во всех религиях: в христианстве, иудаизме, буддизме и других. Данное понятие связано с деятельностью одного английского священника в середине XIX в., который пытался убедить протестантов в Америке в том, что необходимо дословно понимать священные писания и жить в соответствии с ними. Каждый, кто не последует его религии, будет гореть в аду, заявлял он. Именно так фундаментализм понимается до сих пор, причем не только в исламе. У радикального исламизма тоже фундаменталистский характер, однако, это не главное. Радикальный исламизм — это религия, которая одновременно является политикой точно так же, как национал-социализм и коммунизм были и являются до сих пор политическими религиями. Поэтому я говорю: исламизм — это мутация ислама, так же, как радикальное христианство и ультраортодоксальный иудаизм — мутации соответствующих религий»¹¹.

⁵ Акаев Вахид. Исламский фундаментализм на Северном Кавказе: миф или реальность // Центральная Азия и Кавказ. — 2000. — № 3 (9).

⁶ См.: Кудрявцев А. «Ваххабизм»: проблемы религиозного экстремизма на Северном Кавказе // Центральная Азия и Кавказ. — 2000. — № 3 (9); Джованни Бенси. Преступления и наказания: «Безжалостный Коран?» // Центральная Азия и Кавказ. — 1998. — № 3 (15); Гусаев С.М. Этноконфессиональные процессы в современном Дагестане: Дис. ... канд. филос. наук. — Махачкала, 2000. — С. 96; Наумкин В. О стабилизации ситуации в регионах, соседних с Чечней // Центральная Азия и Кавказ. — 2000. — № 4(10).

⁷ Игнатенко А. Эндогенный радикализм в исламе / Ислам и политика. Сб. статей. — М., 2004. — С. 30.

⁸ См.: Малашенко А.В. Исламское возрождение в современной России. — М., 1998. — С. 93.

⁹ См.: Ланда Р. Ислам в истории России. — М., 1995. — С. 263.

¹⁰ См.: Хунгерманн Йенс. Запад еще не осознал опасности. Интервью с израильским профессором господином Бауэром // Die Welt. 19.08.2003.

¹¹ Цит. по: Религиозно-политический экстремизм и этноконфессиональная толерантность на Северном Кавказе / А.К. Алиев, З.С. Арухов, К.М. Ханбабаев; Регион. центр. этнополит. исслед. ДНЦ РАН. — М., 2007. — С. 38.

Представленные выше рассуждения позволяют сделать важный вывод о том, что в современном мире проявления воинствующего, политизированного, криминального ислама вполне укладываются в термин «ислаимзм», который в свою очередь является синонимом наиболее опасной на сегодняшний день формы экстремизма — исламского экстремизма. Вместе с тем «салафизм», соотносится с ним как более общее понятие, поскольку в

теоретическом плане можно быть последователем фундаменталистских взглядов, однако лишь ведение античеловеческой, антирелигиозной и антигосударственной экстремистской деятельности, основанной на фундаменталистской трактовке ислама, либо камуфлировании своей противозаконной деятельности исламскими постулатами, может служить основанием для обвинения в исламизме (религиозном экстремизме).

Библиографический список:

1. Акаев Вахид. Исламский фундаментализм на Северном Кавказе: миф или реальность // Центральная Азия и Кавказ. — 2000. — № 3 (9).
2. Гусаев С.М. Этноконфессиональные процессы в современном Дагестане: Дис... канд. филос. наук. — Махачкала, 2000.
3. Гаджиев Р.Г. Ваххабитский фактор в кавказской геополитике. — Грозный, 2004.
4. Политические системы и политические культуры Востока. — М., 2007.
5. Джованни Бенси. Преступления и наказания: «Безжалостный Коран?» // Центральная Азия и Кавказ. — 1998. — № 3 (15);
6. Игнатенко А. Эндогенный радикализм в исламе / Ислам и политика. Сб. Статей. — М., 2004.
7. Кудрявцев А. «Ваххабизм»: проблемы религиозного экстремизма на Северном Кавказе // Центральная Азия и Кавказ. — 2000. — № 3 (9). — С. 96;
8. Ланда Р. Ислам в истории России. — М., 1995.
9. Малашенко А.В. Исламское возрождение в современной России. — М., 1998.
10. Наумкин В. О стабилизации ситуации в регионах, соседних с Чечней // Центральная Азия и Кавказ. — 2000. — № 4(10).
11. Хунгерманн Йенс. Запад еще не осознал опасности. Интервью с израильским профессором господином Бауэром // Die Welt. 19.08.2003.

References (transliteration):

1. Akaev Vakhid. Islamskiy fundamentalizm na Severnom Kavkaze: mif ili real'nost' // Tsentral'naya Aziya i Kavkaz. — 2000. — № 3 (9).
2. Gusaev S.M. Etnokonfessional'nye protsessy v sovremennoy Dagestane: Dis. ... kand. filoz. nauk. — Makhachkala, 2000.
3. Gadzhiev R.G. Vakhkhabitskiy faktor v kavkazskoy geopolitike. — Groznyy, 2004.
4. Politicheskie sistemy i politicheskie kul'tury Vostoka. — M., 2007.
5. Dzhovanni Bensi. Prestupleniya i nakazaniya: «Bezhalostnyy Koran?» // Tsentral'naya Aziya i Kavkaz. — 1998. — № 3 (15);
6. Ignatenko A. Endogennyy radikalizm v islame / Islam i politika. Sb. Statey. — M., 2004.
7. Kudryavtsev A. «Vakhkhabizm»: problemy religioznogo ekstremizma na Severnom Kavkaze // Tsentral'naya Aziya i Kavkaz. — 2000. — № 3 (9). — S. 96.
8. Landa R. Islam v istorii Rossii. — M., 1995.
9. Malashenko A.V. Islamskoe vozrozhdenie v sovremennoy Rossii. — M., 1998.
10. Naumkin V. O stabilizatsii situatsii v regionakh, sosednikh s Chechney // Tsentral'naya Aziya i Kavkaz. — 2000. — № 4(10).
11. Khungermann Yens. Zapad eshche ne osoznal opasnosti. Interv'y u s izrail'skim professorom gospodinom Bauerom // Die Welt. 19.08.2003.